

Zahar Poll

18+

Zahar Poll

Скверна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69554257

SelfPub; 2023

Аннотация

Человек, доведенный до крайней степени отчаяния и переживший самые страшные муки, может увидеть самые скрытые и потаенные вещи этого мира, особенно находясь в присутствии больничных стен и людей в них закованных.

Zahar Poll

Скверна

Проснувшись как всегда рано, я первым делом попыталась нащупать свой стакан с водой, стоявший на прикроватной тумбочке, оставленный там вечером. Его я, конечно, нашла, да и вода на месте, вот только в ней плавал чей-то вырванный, окровавленный, бурый ноготь. Когтей была целая гора, ими оказалось усыпано все пространство моего жилого угла, черных и грязных. Убрав этот ужас, я решила поскорее встать, скорее настолько, насколько могла позволить себе моя новая особенность. Грохот от моей клетки стоял на всю комнату. Спицы, держащие мои кости, сковывающие их в единую конструкцию, бились друг о друга и издавали пронзающий душу скрип, напоминающий заточку какого-то ржавого ножа. Порой я даже резалась ногами об острые лезвия этой конструкции. Дохромав до окна, вместо солнца я увидела лишь серые тучи, затмевавшие минувшую прелесть этого неба. К моему удивлению, даже несмотря на болотность неба, во дворе всюю шла зарядка, на которую я, по понятным причинам, не ходила. Сотни молодых людей в нижнем белье в плотной давке, плечом к плечу, выполняли гимнастические упражнения, направленные на умение вырисовывать буквы телом для дальнейшего составления слов из большого количества людей. Сейчас они написали на зем-

ле «БЕЙ, ТРАВИ, УМРИ». Молодые парни и девушки валялись на бетонной плите, усыпанной выпирающим острым щебнем, корчились от боли и вопили в унисон от радости за удачно выдавшуюся фигуру гордого поклонения. Раньше и я так умела, но моей карьере пришел конец, оттого, наверное, мне и было печально. Мысли разрушил стук в палату. Повариха, низкая, сальнистая тетка, с лица которой постоянно сыпалась кожа прямо в блюдо, что она накладывала, плюя в него и приговаривая что-то про здоровый аппетит, принесла еду и все находившееся со мной в палате отправились за порцией.

Трапеза моя продлилась недолго. Я вылила свой завтрак на пол, демонстрируя всем сестрам в комнате, что это и не еда вовсе, а какая-то слизь, которая на солнечных лучах отливается то ли зеленым, то ли синим цветом, напоминая разводы в луже от бензина. Сестры вокруг, открыв широко пасть и оголив кривые, прогнившие зубы, шатающиеся и вываливающиеся от каждого зубоскалинья, стояли и явно чего-то ожидали.

– Я это есть не буду! Понятно вам?! Жрите сами вашу мерзость и других не травите! —громко прокричала я, явно пытаясь обратиться хоть к каким-то силам, которые могли бы объяснить все то, что происходило со мной и на что я раньше не обращала внимания. Как только эта фраза была выпалена, словно клеймом у меня на душе, то все девочки, сохраняя свои кривые улыбки, бросились на место, куда вы-

валилась так называемая каша. Они прыгнули так жадно, что у многих выбило те самые гнилые зубы, а одна случайно укусила и меня, оставив свой четвертый справа сверху коренной в фаланге пальца. Меня это бесило, я стала расталкивать их, вытягивать, пытаться еще раз объяснить, что это никакая не еда, но было уже поздно. Они толкали меня, распинывали и заламывали друг друга, пытаюсь ухватить хоть каплю слези с пола. Я ударила одну из девочек по щекам, пытаюсь привести в чувства. Это была моя любимая Лиза, самая младшая сестра, и оттого оберегаемая. Но вместо отрезвления я увидела ярость. Лиза, а потом и все остальные, дожевав свой мазут, вскочили, окружили меня и начали мычать, выдирать руки и ноги, наваливаться, началась истерия. Я смогла вырваться и выскочила в коридор.

Выбора нет, надо бежать в ванную – только там я видела некую безопасность и уединенность. Быстро собравшись с мыслями и перестав замечать боль, разрывающую мое тело на части, я, хромя и валясь от каждого шага, побежала в санузел. Меня пронзало чувство, будто мое тело и конструкции, вживленные в него, были задуманы кем-то так, чтобы я не смогла сделать ни единого шага, не причинив себе мучений, залечить которые невозможно даже самым мощным наркозом. В напоминание мне об этом, гвоздь, ржавый и облитый какой-то токсичной отвратно пахнущей краской, торчащий из старого советского паркета, угодил мне прямо в ступню, пробив ее насквозь и гордо показав свое острие с

обратной стороны ноги. Я повалилась вниз и упала рядом со штативами для капельничных растворов. Пол прогнулся, и все ржавые конструкции повалились на меня, одаривая мои позвонки тяжелым хрустом. Оставалось всего пару метров доползти, а я не успела и заметить, как потеряла все намеки на здоровье своих колен. Они стирались об усеянный занозами и сколами деревянный пол, вместо плоти из них торчали металлические пластины. Я наконец заползла и закрыла шпингалет. Из-за двери о кошмаре напоминали только крики моих бывших подруг и близких, ревуших в ужасной агонии и жаждущих меня.

В ванной меня не ждал покой. Я не могу, мне страшно, я боюсь даже открыть глаза, дабы увидеть, что здесь происходит. Моему сожалению о том, что вошла в это проклятое место, не было предела. Старая санитарная комната была населена трупной гнилью, мухами, плодящимися прямо в останках тех, кого здесь мыли когда-то давно. И ужасный писк, шум разъедающий уши, стуки, удары в дверь, выламывающие щеколду. Я еле держу свое дыхание, сердце, как я чувствовала, уже перестало биться, но на деле его ритм становился только сильнее, напоминая мне об этом разрывающей болью каждый десятый удар. Взглянув в окно, я увидела, что они все там, смотрят на меня и показывают пальцем, что-то кричат мне.

– Сдохни тварь! Сдохни тварь! – Я увидела летящий в меня кирпич. Треск стекла и боль. Я не чувствую лица, но чув-

ствую жар плоти. Раздался радостный вскрик.

Кровь, кафель, налет, плесень, слив, забитый волосами, и куски моего лица, раскрывшиеся шматки, как японская роза, ползли и оставляли за собой след из крови и гноя, сочащегося откуда-то ниже моего лба. Крошки зубов растирались и рвали десна. Мое украшение для септума провалилось в стыки плитки, застряв, рвавшее мой хрящ. Через пару метров вместо ноздрей осталась одна дырка с фонтаном из крови и соплей. Тянущее в никуда нечто раздвигало мои ноги в разные стороны, пытаюсь разорвать тело надвое.

Мне хорошо, одно наслаждение, как же блаженно. Доползла до душевой, вода включилась, горячая. Мое тело хватил озноб. Как мне прекрасно! Я начинаю таять, мои руки постепенно растворялись и входили в слив. Я плыла, чувствуя себя кораблем, моряком. Грохот металлических конструкций моего тела разбивался о кафель, падали суставы, спицы, я становилась все свободнее. Волосы наматывались вокруг них. Вот и голова начала таять, но я не могла уплыть, пока скальп полностью не содран, а волосы, намотавшиеся вокруг моих железных органов, не отпустили меня. Океан. Мне хорошо.